

Гу Чжэнь кивнул, не слишком удивившись. В конце концов, все, кто мог бежать из этих мест, уже давно ушли. Те, у кого были амбиции, не имели возможности стать чиновниками, и бегство в другие страны или переход на сторону кочевников-ху не было чем-то необычным. В этом прогнившем государстве не было никакой жизни. Гу Чжэнь лишь немного удивился, что кочевники-ху, которые даже не были государством, а всего лишь племенем с крайне низким уровнем культуры, смогли привлечь кого-то на свою сторону.

Он мысленно перебрал в памяти «Безумного Демонического Генерала», но не нашёл упоминаний об этом человеке. Он вздохнул, надеясь, что это не станет неожиданным осложнением.

Гу Чжэнь взял у солдата рядом с собой лаковую коробку и достал из неё кусок золотистой ткани. Собираясь слезть с лошади, он почувствовал, как Хэ Сюйлян положил руку на его плечо. Гу Чжэнь повернул голову и увидел, что в глазах Хэ Сюйляна не было никаких эмоций, лишь спокойное:

— Я пойду с тобой.

Гу Чжэнь кивнул в знак согласия.

Тем временем Ба Чжан взял свиток у мужчины, слез с лошади и направился к ним, сопровождаемый высоким и крепким мужчиной. Гу Чжэнь его немного помнил, так как он был на прошлых переговорах, но не мог вспомнить имя. Другим был тот самый худощавый мужчина.

Только когда они оказались лицом к лицу, Гу Чжэнь смог рассмотреть, что свиток был сделан из какой-то звериной кожи. Ба Чжан, уставившись на Хэ Сюйляна рядом с Гу Чжэнем, оскалился, делая своё и без того свирепое лицо ещё более устрашающим. Хэ Сюйлян не проявил никакой реакции, спокойно глядя на содержание свитка.

Гу Чжэнь передал ткань Ба Чжану, а тот отдал её худощавому мужчине, который, видимо, был чем-то вроде советника. Возможно, среди кочевников только он знал наш язык.

Точно так же Гу Чжэнь взял свиток и медленно развернул его, но не стал читать, а вместо этого обратился к худощавому мужчине:

— Ты откуда? Почему перешёл на сторону кочевников?

Мужчина не успел ответить, как высокий и крепкий мужчина за Ба Чжаном рывкнул:

— Молчать! Не, говорить!

Этот крик отдался болью в груди Гу Чжэня, словно кто-то вложил в его уши громкоговоритель. Он едва не потерял равновесие.

Хэ Сюйлян незаметно сжал своё длинное копьё.

В этом маленьком кругу только Гу Чжэнь оказался напуган этим криком. Худощавый мужчина выглядел так, будто это было для него привычно, и он тихо что-то сказал, вероятно, на языке кочевников. Мужчина за Ба Чжаном, словно лев, успокоенный дрессировщиком, постепенно расслабил свои напряжённые мышцы и вернул внимание к военному обязательству, принесённому Гу Чжэнем.

Гу Чжэнь был ещё больше удивлён.

Содержание двух военных обязательств было практически одинаковым: заранее оговоренные условия, а также то, что, за исключением добровольного прекращения боя более сильной стороной, до тех пор, пока одна из сторон не погибнет, никто не может вмешиваться в битву. Независимо от исхода, это не может стать поводом для будущих войн. Это обязательство было также клятвой жизни и смерти.

Стороны быстро подтвердили условия. Ба Чжан, получив кивок от мужчины, взял кинжал и сделал длинный порез на ладони, оставив кровавый отпечаток на ткани.

Гу Чжэнь не хотел добавлять себе ещё один странный шрам, поэтому укусил палец и, кряхтя, написал своё имя на звериной коже. В процессе он ругал себя, почему его имя не было Гу И, или даже просто И!

С кочевниками не было лишних церемоний. Битва, которая решит судьбу Цюнсяна, началась без особой помпы.

Согласно плану, Е Жань должен был выйти первым. Когда противник увидел, что они выставили полурёбёнка, в чёрной толпе поднялся шум. Ба Чжан нахмурился и закричал:

— Ребёнок? Неуважение?

Они долго сражались с кочевниками и знали их лучших бойцов, их стиль и оружие. Но с их стороны Е Жань был полной неожиданностью. Кроме той утренней атаки, когда его лошадь сбросила, он не участвовал в боях с кочевниками, и никто не знал, на что он способен.

Гу Чжэнь улыбнулся Ба Чжану и сказал:

— Ну, можно сказать, что да. В конце концов, Цзяньюнь — великая страна, и мы не можем обижать слабых, верно?

Ба Чжан, услышав это, разозлился, его грудь вздымалась, а глаза горели яростью. Гу Чжэнь пожал плечами, только подливая масла в огонь. Ба Чжан громко крикнул, называя чьё-то имя на их языке, и из толпы вышел всадник. Гу Чжэнь оценил его рост в два метра, и он был похож на Ба Чжана. Его тёмно-коричневая кожа была покрыта шрамами, даже на лысой голове виднелись ужасные отметины. В руках он держал железную пику — нечто вроде булавы с шипами, которая была выше его самого. Шипы на наконечнике отражали пугающий свет.

Лян Даго подошёл к Е Жаню и наклонился:

— Это Со Мао.

Е Жань кивнул, понимая. У противника было лишь несколько сильных бойцов, и Лян Даго и Хэ Сюйлян подробно рассказали ему о каждом. Услышав имя, он сразу же вспомнил стратегию.

Лян Даго похлопал его по плечу, с лёгкой улыбкой удовлетворения:

— Хороший мальчик, не забывай, чему я тебя учил. У тебя всё получится, иди.

В глазах Е Жана вспыхнул огонь, и он кивнул:

— Благодарю вас, генерал.

Он оглянулся, кивнул сестре, чтобы та не волновалась, затем посмотрел на Хэ Сюйляна и Гу Чжэня. Хэ Сюйлян, как всегда, был невозмутим, а Гу Чжэнь улыбался и кивнул, давая знак идти.

Е Жань сжал своё длинное копьё и повернулся. В его обычно спокойных глазах была лишь холодная решимость. Это была его мечта, его поле битвы, его первая битва за защиту сестры и матери!

С детства восхищаясь Хэ Сюйляном, Е Жань в Вратах Жусун тренировался с длинным копьём.

Правда, позже, став мальчиком для утех Гу Чжэня, он редко использовал копьё. Но, как ни странно, именно благодаря этому его навыки рукопашного боя и психологическая устойчивость значительно улучшились.

Шестнадцатилетний подросток, ещё не полностью развившийся, выглядел особенно хрупким перед могучим Со Мао. Даже его копьё было выше его самого. Как среди кочевников, так и среди своих солдат, Е Жань вызвал множество обсуждений.

Лян Даго махнул рукой, призывая всех замолчать и отступить, чтобы расширить поле битвы.

Без лишних слов, Е Жань с копьём в руке вскочил на лошадь. Со Мао одновременно сжал бока коня, и его лоб покрылся вздувшимися венами. Его рёв был настолько громким, что все почувствовали боль в груди. Вскоре его огромная железная пика устремилась прямо в лицо Е Жана. Тот поднял копьё, и звук столкновения холодного оружия заставил всех сжаться.

Гу Чжэнь смотрел на хрупкую фигуру на лошади и с лёгким вздохом произнёс:

— Герои рождаются в юности.

Хэ Сюйлян посмотрел на него, но ничего не сказал.

Е Жань и Со Мао сражались напряжённо. Кочевники громко кричали, а солдаты, заражённые их настроением, размахивали флагами, подбадривая этого почти незнакомого юношу.

Кочевники славились своей невероятной силой, и Со Мао был лучшим из них. Его железную пику другим было трудно даже поднять, но он мог размахивать ею на скачущей лошади, нанося удары по жизненно важным точкам Е Жана. По силе Е Жань ему явно уступал. После нескольких блоков его ладони уже были в крови и болели.

Но на этом всё и заканчивалось. Боец, полагающийся только на грубую силу, не мог победить тактически подкованного противника, подумал Гу Чжэнь с уверенностью.

Со Мао тоже было непросто. Он не ожидал, что этот юноша с хрупким телом сможет проявить такую силу. Обычно его пика могла сметать целые ряды врагов, но сейчас он не только отбил несколько ударов, но и понял, что такой бой для него невыгоден. Юноша перестал глупо принимать удары и, используя свою ловкость и малый вес, начал уклоняться от пики, находя возможности для контратак. Его копьё описывало изящные дуги, нанося удары в сторону Со Мао.